

Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. И. Сягнуевой
Литературный фонд имени В. И. Сягнуевой

Писатели Ставрополя

«Мне выпало счастье владение словом»

Творчество В. Дмитриченко

Ставрополь, 2019

Настоящее издание включает в себя информацию о жизни и творчестве Валентины Гапуровны Дмитриченко, избранные произведения, хронологическую справку «Основные даты жизни и творчества», материалы к сценарию.

В библиографическом списке произведения Валентины Дмитриченко расположены в порядке алфавита названий, публицистические материалы и литературоведческие источники о творчестве – в обратной хронологии публикаций.

Материалы издания предназначены для работников библиотек, преподавателей, учащихся, студентов, для всех, кто любит поэзию, и интересуется литературным краеведением.

«Мне выпало счастье владение словом» : информационно-методические материалы / Ставропольская краевая библиотека для молодежи имени В. И. Слядневой, Литературный фонд имени В. И. Слядневой, Ставропольский литературный центр; сост. Н. В. Машукова; В. И. Мардиросова, отв. за вып. Л. Ф. Игнатова. – Вып. 14 – Ставрополь, 2019. – 43 с. – (Писатели Ставрополья).

Ответственный за выпуск: Л. Ф. Игнатова
Тех. редакция и верстка: М. В. Игнатов

© Ставропольская краевая библиотека для молодежи
имени В. И. Слядневой, 2019

От составителей

Валентина Гапуровна Дмитриченко, поэт, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени В. И. Слядневой – яркое явление на поэтическом небосклоне Ставрополья. Ее стихи публиковались в альманахе «Литературное Ставрополье», антологии «Современные писатели Ставрополья», в сборниках литературных произведений «Белая акация», коллективном сборнике «Я наизусть читаю этот лес». Она автор 6 книг: «Выбираю любовь», «Подкова на счастье», «Продолжается жизнь», «Лунная подкова», «Звезда в колодце», «Объяснение в любви». И все они о любви ко всему существу на Земле.

Сюжеты ее стихов выписаны тонкой прекрасной словесной вязью, в которых каждая поэтическая картина сверкает яркими лирическими красками. Валентина Дмитриченко виртуозно соединяет воедино дар души и дар слова.

Валентина Гапуровна живет в Невинномысске и немало лирических строк она адресует любимому городу. «Она дышит воздухом родины, ее историей, культурой, красотой – и не пытается собрать свои дни, которые «раскатились, словно бусы по земле»... В стихах открывает свой Космос – глубину и разнообразие человеческих чувств, а Человек для нее – Вселенная» – писала о творчестве поэтессы В. И. Сляднева.

«Я поэт не по собственной воле...»

О личности и поэзии В. Г. Дмитриченко

П. К. Чекалов, доктор
филологических наук, профессор.

Валентина Гапуровна родилась 19 января 1956 года в селе Лузинка Северо-Казахстанской области. В семье было шестеро братьев и сестер, она же – третья по счету. Мать – Пелагея Кондратьевна Дмитриченко, русская, доярка на колхозной ферме, отец – Эсмурзиев Гапур Ахметович, ингуш, попавший в Казахстан 14-летним подростком во время депортации, – механизатор в том же хозяйстве, мастер на все руки. Этот генетический сплав позднее станет темой отдельного стихотворения:

Во мне таких намешено кровей,
Что никакому предку не приснится...
Как у отца – разлет моих бровей
И как у мамы – губы и ресницы.
Конечно, это замысел Творца,
А я – итог невыдуманной сказки.
Характером я – все-таки в отца...
Мне нравится характер мой кавказский!..

Образование у Гапура Ахметовича было только начальное, но любил читать прессу. Выписывал несколько газет и журналов, среди которых – «Роман-газета» и даже «Советская юстиция». Мать ругалась, что он чуть ли не половину месячной зарплаты (целых 31 рубль!) тратил на подписку, а ему не было жалко, читал с удовольствием, а понравившиеся места – вслух всей семье, а номера популярной в то время «Роман-газеты» – почти целиком. Впоследствии Валентина Гапуровна скажет: «Эти вечера я запомнила как самое святое и самое ценное, что было в моем детстве».

Дом располагался на самой окраине села. Дальше – только степь. Это обстоятельство тоже найдет свое лирическое воплощение:

Адрес детства – крайний домик на селе,
У колодца, где студеная вода...

Недалеко от дома находилось небольшое озерцо, которое в период таяния снегов разбухало, как на дрожжах, заливая собой всю окрестность. И тогда весь двор со всеми хозяйственными постройками в буквальном смысле оказывался отрезанным от остальной части села, превращаясь в маленький островок. И старшим братьям приходилось сооружать плот, чтобы добираться до школы через это море разливанное.

У Валентины очень рано обнаружилось феноменальное свойство памяти: стихи запоминала на лету, стоило только услышать звучащий текст. Потом придумала себе игру: сядет за стол, возьмет книгу в руки и делает вид, будто читает, а сама проговаривает вслух заученные строки. Бабушка наблюдала и удивлялась: такая мелкая, а уже читает!.. Кстати, так самостоятельно и научилась читать, соотнося слова и буквы с проговариваемыми стихами. И потом после первого прочтения стихи западали в память с той же простотой и неизбежностью, с какой складывают в ранец книги, тетради, ручки и карандаши. Так, она еще до школы знала назубок все стихи из учебников старших братьев.

Бабушка была травницей: собирала, сушила, использовала в лечебных целях различные растения. И в свои походы в степь нередко брала с собой и смышленную внучку. Бывало, скажет она: «хвощ полевой», «горец перечный» или «лапчатка», а Валя уже представляла себе, как они выглядят. Отсюда, вероятно, изобилие названий трав, цветов, деревьев и кустарников в ее лирике. И знакомство с разнообразным пернатом миром, перешедшим затем в стихи, тоже из детства: по просьбе Валентины отец выписывал и журнал «Юный натуралист», по которому она научилась различать птиц по окраске и голосам, стала лучше разбираться в растениях и животных.

В самый первый день школьной жизни учительница – Манякина Евдокия Петровна – зачитала классу стихотворение С. Маршака, помещённое на первой странице букваря:

В классе уютном, просторном
Утром стоит тишина.
Заняты школьники делом –
Пишут по белому чёрным,
Пишут по чёрному белым,
Перьями пишут и мелом:
«Нам не нужна война!..»

И в конце добавила, что все первоклассники учат его на память. Валя была потрясена: «Вот это дядька! Надо ж было так написать, чтобы все дети огромной страны знали наизусть его стихотворение!» И самой захотелось сочинить что-нибудь подобное...

Первая учительница – Манякина Евдокия Петровна – была замечательным человеком, душевным, отзывчивым, болеющим за каждого ученика. Она организовывала различные кружки, дополнительные занятия, массу воспитательных мероприятий, и Валентина успевала всюду, пытаясь утолить жажду познания. Любила, когда учительница давала слово и просила подобрать к нему рифму. Старалась изо всех сил, тянула руку, а Евдокия Петровна спрашивала ее в самую последнюю очередь, потому что знала: Валя найдет не одно, а несколько

созвучий. А если кто-нибудь из класса набирал больше нее рифм, не успокаивалась, пока не оставит позади и его.

Первое стихотворение о подснежнике сочинила в пятом классе. Следом появились и другие. Бабушка, увидев пробу ее пера, взяла и отправила в районную газету «Ишим», где и были напечатаны в 1968 году. Подборка из нескольких стихотворений занимала целую полосу малоформатной районки.

Теперь, воспринимая это событие через призму состоявшейся творческой судьбы, полагаешь, что именно тогда пятиклассница и должна была определиться со своим призванием и всю свою неумную энергию направить в это русло. Но на деле все обстояло не так: школьница увлекалась слишком многим, многое давалось легко и просто, чтобы в первой газетной публикации увидеть некий судьбоносный знак. Являлась горнистом школы, хорошо рисовала, была редактором классной и общешкольной стенгазет, играла на гармонии, обеспечивала музыкальное сопровождение практически всех школьных мероприятий. Бегала очень хорошо: на спор босиком обгоняла старшего брата на велосипеде! Играла в настольный теннис, плавала, зимой каталась на лыжах и коньках, играла в футбол с мальчишками и даже принимала участие в соревнованиях, пока формы не стали выдавать в ней ученицу... Потом работала учительницей физкультуры, фрезеровщицей на заводе, заведовала библиотекой в родном селе, во время уборочной страды носилась по полям на мотолерере, собирала сводки, вывешивала их на полевых станах, писала сценарии к праздникам, статьи в газету, а по ночам еще работала на току... Поэтому Валентина Гапуровна вполне справедливо писала о себе в автобиографии: «Энергия была из меня ключом...» Вот другая немаловажная оговорка: «Стихи... слагались в моей голове, чем бы я ни занималась». Но в водовороте различных увлечений, видимо, она и сама не совсем серьезно воспринимала то, что было даровано ей природой изначально. Тому же способствовал и выход замуж, переезд из Казахстана на Ставрополье (г. Невинномысск), рождение сыновей, развод, новое замужество, организация своего бизнеса, создание совместного российско-польского предприятия, отъезд с семьей в Польшу, возвращение через два года, строительство дома, обустройство сада... А стихи... Стихи продолжали сопровождать, но большей частью занимали жизненную периферию. Максимум, что Валентина могла позволить себе, – прочитать их в кругу близких людей. Среди них не было ни одного, кто мог бы по-настоящему оценить прозвучавшие строки, но все же именно они почувствовали, что стихи стоящие, и надоумили публиковаться, издать книгу. А она этим никогда не занималась, не знала, что делать, с чего начать.

Обратилась в городскую газету, предложила подборку для печати. Там они благополучно пролежали в течение полугода без всякого движения. Пошла и забрала обратно. Выяснила, что в Невинномыске работает литературное объединение под руководством писателя В. А. Яроша. Созвонилась, пришла на

заседание, передала рукопись. Виктор Андреевич познакомился и сказал, что учить ее нечему, нужно издаваться. После того и был составлен и издан первый сборник: «Выбираю любовь» (2000). За ним последовали еще три поэтические книги: «Подкова на счастье» (2002), «Продолжается жизнь» (2003), «Звезда в колодце» (2004). С этим творческим багажом она и вступила в Союз писателей России. Случилось это в мае 2004 года. Уже после того она издала еще небольшой сборник стихотворений «Лунная подкова» (2006) и двухтомник избранной лирики «Объяснение в любви» (2016).

Валентина Гапуровна в поэзию пришла в том возрасте, когда другие её обычно покидают. Но в отличие от многих она явилась не беспомощным учеником, а зрелым, состоявшимся художником. Эту черту в ней сразу заметили и В. А. Ярош, и В. И. Сляднева. И потому за прошедшие годы ей удалось заявить о себе как о настоящем поэте, занять свою нишу в ряду лучших лириков края. У неё свой голос, свой почерк, стилистика, образная система. В сущности, у нее только два главных лирических субъекта: *героиня*, в которой, по верному замечанию Р. Казарян, без труда угадывается автор, и *природа*. Но не только не существует непреодолимой преграды между ними, эти две темы зачастую совмещаются и переплетаются: практически на всех этапах жизни героиню сопровождают явления природы, а в пейзажной лирике почти всегда присутствует настроение героини, ее состояние, взгляд на мир в буквальном и переносном смыслах.

Вот, к примеру, стихотворение «Весна», в котором представлены скирды сена, звонкая песня птахи в ивняке, тянущиеся к реке седые туманы, отряхнувшийся ото сна задумчивый лес, подернутая сиреневой дымкой даль, только-только разгорающийся день... Конечно же, это пейзаж. Но вот финальные две строчки: «*И моя одноокая комната / Тяготит, как несчастье, меня...*».

И тут мы понимаем, что вся картина увидена героиней из окна своей комнаты. Так обозначается ракурс взгляда. Но это не все и даже не главное. В конце стихотворения проявляется мотив «несчастья», сосредоточенного в «одноокой» / однооконной квартире. Чем же вызвано тягостное состояние героини, проведенной ночь без сна? Прямой ответ в тексте не прописан, но подтекст подсказывает, что комната не только «одноокая», в ней еще и *одинок*. Этим и определяется печальное звучание стиха. И, таким образом, все начиналось с природы, а заканчивается жизненной драмой.

Обратимся к стихотворению «Речки зеркальной веселая трель...», в котором хмель не просто обвивает черемуху, а «душит» ее в объятьях, шепчет ей что-то в дурманном бреду, отчего та совершенно теряет голову и гибнет в самом цвету. Условно-романтический образ. Но вот в финале появляется кровоточащая строка: «*Нежные ветки изодраны в кровь...*» Разумеется, – метафора. Но данный троп привносит в условно-метафорический мир стиха плотское начало, ощущаемый

мотив жестокости, надругательства. А заключительная строка: *«Знаю и я про такую любовь!»* не просто удостоверяет в возможности яростной любви в мире природы, она еще одним дополнительным штрихом указывает на любовную драму, пережитую самой героиней. Таким образом, стихотворение обогащается жизненной параллелью и уже выходит за рамки чисто пейзажной лирики.

В стихах Дмитриченко богато представлены все времена года, но осень, кажется, более частой гостьей на страницах ее книг. Любопытно, что она (осень) предстает неотразимой, прекрасной зрелой женщиной (*«От чистых рос крапива в серебре...»*). И такое соотнесение встречается неоднократно. Оно угадывается даже тогда, когда сравнение не прямо указывает на эти две ипостаси (осень – женщина), но присутствующие в стихотворных текстах иные образные элементы воссоздают чисто женский образ осени:

От избытка чарующей силы
Осень платье рванет на груди <...>
И раздетая роща покажет
Диких груш молодые сосцы.

(«Чарующая сила»)

И в другом месте стыдливая осенняя рябина никак не решится сбросить платье у всех на виду (*«Тополь с легкой душой обнажается...»*). А вот петуния не страдает комплексами такого плана, и после соития со шмелем, когда тот, *«от небывалого счастья тяжел»*, летит, натываясь на травы, она без всякого смущения поправляет сплывшейся юбочки яркий подол (*«Шмели и петунии»*).

С женщиной соотносится и лето: *«Подняв подол, бредёт рекою лето»* (*«Взбивает май капелью синий плёс...»*), и отплодоносившееся поле: *«Лежит спокойно убранное поле, / Как женщина, родившая дитя»* (*«Сухое лето и сухая осень...»*). Поле, как женщина, разрешилось от бремени урожая! Наверно, так мог выразиться и мужчина, но для женщины такой взгляд, такие ассоциации представляются наиболее органичными.

Но не только пейзажные стихи восходят к человеку, но и человек, испытываемые им ощущения также нередко раскрываются с помощью природных параллелей. Вот как в стихотворении «Одеяло лоскутное» дается представление о счастье:

А счастье-то – вот оно –
Ощутимо, реально, хотя
Из печалей и радостей соткано
И простегано ниткой дождя,
Звонким пеньем пичуги пронизано,
Непрерывным жужжаньем шмеля...

В другом месте образ счастливой женщины снова представлен в соотнесении с природным явлением: *«Медом переполненные соты / Я в себе, счастливая, несу...»* (*«Солнечно на сердце...»*).

Связь с природой у поэтессы, как мы могли заметить, проявляется не только на уровне созерцательности, она глубже и теснее. Потому не случайно о собственном состоянии она говорит природными терминами: *«Душа болит проростками добра»* (*«Дни коротки»*). И связь эта не односторонняя, а обоюдная, взаимообусловленная: *«Моя душа всегда болит к ненастью, / А это значит – будет снег с утра!»* (*«Дни коротки»*).

Валентина Гапуровна родилась и выросла в деревне. И, хотя большую часть последующей жизни она провела в городе, знакомый с детства мир села и природы представлен в ее творчестве широко и многообразно. Родная Лузинка и отчий дом – одни из самых светлых и проникновенных страниц ее лирики. Весь этот сельский быт с косами, топорами, укропным духом, запахом кадки с засоленными грибами опозитизирован с любовью. И свое место в этом мире находит гусь, разбрызгивающий лужи; подорожник у откоса, прикрывшийся изнанкою листа; глядящий нахалом влюбленный чертополох; развернувшаяся, как гармонь, поленница дров; разодевшийся, как пижон, старый клен; звонко хлопающий в ладоши тополь у плетня, с нетерпением ожидающий героиню...

Вот картинка о том, как прибрежные деревья уронили листья в воду. Казалось бы, обычное сезонное явление. Но поэтесса это событие наполняет дополнительным смыслом: *«Листьев красные заплаты / Распластались на реке»* (*«Дней ушедших отголоски...»*). Оказывается, у опадающих листьев своя вложенная цель: прикрыть собой изорвавшееся тело реки. Попутно обратим внимание на великолепную мелодику: *заплаты распластались...*

Кто бывал в казахстанских степях, знает, что артезианская или колодезная вода там солоновата и отдает горечью, и Дмитриченко находит причину этого явления – не научно обоснованную, конечно, а поэтическую: колодцы солонны от горьких слез (*«Деревня»*). И чайная роза цветет навстречу холодам неспроста, а из одержимой жизненной установки цвести до последнего вздоха и радовать мир красотой (*«Роза»*).

Вот фрагмент из стихотворения «Будет»:

И, серьгой играя звонкой,
Окруженный стаей муз,
Будет хмель стоять в сторонке
Да наматывать на ус:
Свист малиновки у яра,
Жаркий шепот лебеды...

Используя природное свойство хмеля – с помощью усов обвиваться вокруг соседних растений, – поэтесса превращает обычное вьющееся растение в природный орган, способный поэтически воспринимать действительность.

В поэтическом мире Дмитриченко паучок на ветке ремонтирует свое серебряное кружево, одуванчики становятся прообразами мыльных пузырей, шелестят цветные нити дождей, степенные лоси запросто вскидывают солнце на рога, звезды, царапая обшарпанную шиферную крышу, кубарем катятся вниз, а Большая Медведица льет из своего ковша бесконечный звездный свет на флюгер мельницы...

Этот мир не назовешь особым, он обычный и привычный, но увиден особым зрением, потому и становится столь прекрасным. Многочисленные примеры убеждают, что под пером Дмитриченко самые незначительные, малоприметные явления обретают поэтическое звучание. Кто бы заметил, например, догадался и воспел пустые ячейки подсолнуха: *«Подсолнух вислouxий на меже / Топорщится ячейками пустыми»*? Или застрявшую в паутине осу: *«И качает паутинка / Тельце высохшей осы»*? Или на лету ударившегося о подойник кузнечика: *«И кузнечики со звоном / Ударялись в бок ведра»*? Или упавшее на крышу и покотившееся по желобу яблоко: *«Яблоки, пропитанные солнцем, / Катятся по гулким желобам»*? Или от раскрытого окна скользящий блик: *«Солнечным зайчиком, Брошенным створкой окна...»*? И потому строчку *«Я вбираю в себя каждый миг»* из программного произведения «Творчество» нужно воспринимать не только в значении *«живу каждым мигом»*, а в смысле – каждый миг и каждое мгновение человеческой и природной жизни имеют право быть воплощенными в поэзии.

Рассмотрим подробнее механику отражения природных явлений на примере одного стихотворения:

Лист из-под снега топорщится.
Вяз неприветлив и пег.
Желто-зеленая рощица
За ночь упрягала в снег.

Знакомая картина того, как за одну ночь первый снег укрыл под собой все видимое пространство. Попутно отметим точность рисунка, уверенную руку мастера, умеющего схватить мгновение и представить суть свершившегося явления зримо, осязательно, в красках.

Ветры ликуют и кружатся...
Всё в ожиданье пурги.
Оцепенели от ужаса
Клены у тихой реки.

Если в первой строфе перемены в природе представлены живописно, взглядом метким, наблюдательным, но все же бесстрастным, то тут уже внутреннее природное волнение, передающееся читателю через олицетворения: герои сезона ликуют и кружатся в предвкушении пурги, а вот клены, застигнутые врасплох неожиданным наступлением зимы, не способны очнуться от испытанного ужаса. И драматизм произошедшего отчетливо передает глагол «оцепенели» и художественная деталь, указывающая на место действия: «у тихой реки». Эпитет «тихая» усиливает лиризм звучания, оттеняет неподготовленность растительного мира к случившемуся природному перевороту. Этот же мотив углубляется и первой строкой финальной строфы: «*Сойки с испугу тарашатся...*». Но вот заключительное трехстишие, которое гармонизирует звучавший на протяжении двух строф диссонанс:

Юные ветлы в бору
Шьют, удивляя изяществом,
Золотом по серебру!

Картина получается не просто поэтичной, – хрустальной! Она уже в ином – позитивно-преображенном – плане представляет тот же природный катаклизм. Не просто сглаживает драму, а просветляет финал, одевая его в празднично-метафоричный наряд.

И о наступлении весны говорится очень лирично: «*Ходит весна по крыше / Капельками дождя*». Здесь не столько то важно, что персонифицированная Весна способна ходить, а то, что ходит она *по крышам капельками дождя*. Эта как раз та деталь, которая трогает, берет за душу. И вот финал того же стихотворения:

И на ладонь, не глядя,
Вслушавшись в первый гром,
Божья коровка сядет,
Как на аэродром.
(«Май»)

Какой-то ощутимый задор просвечивает сквозь эти строки, соотносящие ладонь и аэродром. Но связывает эти два, казалось бы, несоотносимых понятия – *божья коровка*, для которой и раскрытая ладонь, что аэродром!

Возьмем другой пример, где автор снова соотносит далеко отстоящие друг от друга явления. Казалось бы, какая может быть связь между кустом жасмина и парламентаром? Но вот сказала поэтесса: «*Куст жасмина, как парламентар, / Выбросил над садом белый флаг*» («*Второе цветенье*») – и все становится на свои места. И в двух строках скапливается одновременно целый букет выразительных средств: сравнение (куст, как парламентар), олицетворение (куст выбросил), метафора (белый флаг).

И подобных поэтических образов на страницах книг Дмитриченко – множество, и они всегда естественны и органичны в ткани стиха.

Валентина Гапуровна не только подмечает обыденные мелочи и детали жизни природы, а преобразует их. Она обладает редким талантом превращать в истинную поэзию все, что ни попадется на пути, все, что ни окажется в поле зрения. И дар этот – природный, никаким образованием не усвоенный, никаким опытом не обретенный.

Немаловажно и то, что, когда поэтесса затрагивает тему личных невосполнимых потерь, заполняющих все ее существо неизбывной болью и чувством вины, она не впадает в публицистичность, стихи не превращаются в рифмованное страдание, поэтическая планка их остается очень высокой. Свойственное ей эстетическое чутье не позволяет даже в такой трагической теме, когда человек не совсем властен над собой, опускаться до тривиальности. Стих остается таким же емким, лаконичным, безупречным с содержательной и формальной точек зрения.

Многие строки Дмитриченко отшлифованы до такой степени, мысль и форма выражения в них слиты настолько идеально, что воспринимаются как крылатые выражения:

Беспристрастной судьбы не бывает,
Чем пристрастная совесть моя!
(«Соберу я слова и просею...»)

Люди, может быть, чаще, чем реки,
И мельчают, и сходят на нет.
(«Замелькала листва, закружилась...»)

В любви всегда сильнее тот,
Кто меньше любит.
(«Благодарю»)

Нет, к несчастью, надежнее средства
От любви, чем другая любовь!
(«Всё по-старому»)

Лишь тот сердиться не умеет,
В ком ни души, ни сердца нет!
(«Молчишь, на белый свет обижен...»)

Душе лишь то сказать под силу,
Что в ней самой заключено!
(«Молчишь, на белый свет обижен...»)

Это тоже неоспоримое свидетельство творческой состоятельности поэтессы.

Как личность Валентина Гапуровна сформировалась в советское время и сохранила в себе морально-этические принципы той эпохи. Она открыта, прямодушна, не двулична, не лицемерна, бескомпромиссна как в творческом плане, так и в плане житейском. Она не сподличает, не прельстится чужим, не пойдет против совести. Если же с ней начнут вести нечистоплотную игру, она молча снесет обиду, не опустится до низменных приемов, ответных эмоциональных росплесков. Она не умеет прощать только предательство. И, если подобное случается, без долгих раздумий прекращает отношения с таким человеком, будь он даже очень близким. Отсюда – истоки мотивов безусловного разрыва с предавшим любимым в лирике:

Не прощаю тебе, а прощаюсь,
Потому что простить невозможно!

(«Невозможно»)

Понять невозможно! Простить невозможно!

(«Кончается лето...»)

Прощают, не любя, – и это тоже счастье,
А если я люблю – то как же мне простить?!

(«Не надо вспоминать...»)

Касаясь вопроса поэтического языка Дмитриченко, В. Сляднева отметила его народность, метафоричность и «упорное нежелание поэта использовать слова, пришедшие к нам из нового мира, из духовного обнищания России».

Выражая солидарность с этим мнением, хотелось бы обратить внимание и на то, что Валентина Гапуровна порой использует лексику, скорей, из деловой или научной сферы, нежели художественной. Вот возьмем, к примеру, словосочетание «переменная облачность». Фраза имеет устойчивую стилевую маркировку, прочно привязывающую ее к метеосводкам. Но вот сказано: «*Облачность в сердце моем переменная, / Скоро прольется дождем...*» («Костерок»), и канцеляризм мгновенно обретает лирические очертания. И перед читателем предстает опечаленная женщина, готовая разразиться обильными слезами.

Вот другой пример такого же ряда: «*Мне тогда даже ад пятизвездочным раем покажется*» («Отпыляет мой сад...»)? Эпитет, определяющий категорию гостиницы, соотносится с раем... В этом тоже проявляется оригинальность мышления. И здесь важна не только своеобычность, но и пластичность, с какой деловая лексика вводится в поэтическое пространство.

Не пренебрегает поэтесса и прозаизмами, словами с просторечным оттенком: «А сверчок *калякает*», «Не светит *ни шиша*», «И *чумею* от счастья...», «Кому теперь нужны мои страдания / И то, над чем я так *мороковала*», «И рифмы *гомонят* наперебой», «*Орава* воробыная», «*Личуга* лесная», «*Разухабилась* лебеда»...

И рядом – совершенно иной словарь: *филигрань, экслибрис, гексаграмм, руны, сомнамбула, ультрамарин, миллимикрон, стаккато...* Но и в таких случаях присущий автору эстетический вкус гармонизирует, сплавляет разностилевую лексику в единый органичный речевой поток.

Отличительным свойством лирики Дмитриченко является и то, что в ней не затрагиваются какие-либо социальные или общественно-политические проблемы, как будто их не существует вовсе. Это не может быть случайностью и свидетельствует о том, что поэтесса считает (или это происходит помимо ее сознательной установки), что поэзия – не форма борьбы или протеста, она – не поле брани, а сплошное переживание и настроение. В этом смысле ее позиция смыкается с одним из самых пронзительных лириков современности – Л. И. Чекалкиным, поэтом, насколько можно судить, унаследовавшим традиции чистого искусства. Свидетельством близости поэзии Валентины Гапуровой канонам данного литературного течения является и фраза В. Слядневой: *«Стихи ее говорят о том, что она в этот мир пришла воспеть его красоту, она пришла любить...»*

Дмитриченко традиционна от первого и до последнего стиха. Но поразительно при этом, что она умеет не повторять чужие мысли, у нее свои пути и тропы, свой незаимствованный голос, интонация, богатое образное мышление.

Есенин первым из русских поэтов воспел и опозитизировал столь непоэтичное создание, как корова: *«И на песни мои прольется, / Молоко твоих рыжих коров»*. Это не только о деревенских корнях, это – освящение собственной поэзии, как святой водой, коровьим молоком.

Некрасов, заметив на Сенной площади в Петербурге избиваемую кнутом крестьянку, обратился к богине творчества: *И Музе я сказал: «Гляди! / Сестра твоя родная!»*

У Дмитриченко Муза воплощается в образе коровы: *«Лиророгая корова / Приносила рифмы мне»* («Там, где месяца подкова...»). *Лиророгая!* Всего один эпитет – незаимствованный, оригинальный, превосходный! – и неуклюжее животное становится олицетворением поэзии! И своеобразным опознавательным знаком его становятся рога, изогнутые в виде лиры. (Это ж надо было заметить, соотнести!) А лира, как известно, – символ поэзии. Вот так пересекаются, переплетаются и трансформируются поэтические образы. Вот она – реальная смычка традиции и новаторства, синтез старого и нового, обновление современной поэтической палитры!..

Поэзия в своем природном естестве, самая что ни на есть подлинная, разлита по страницам книг Дмитриченко. Можно удивляться поэтическому волшебству, ясности мышления, неподдельности чувств, нескончаемому многообразию образов, высочайшему мастерству, воспринимаемому уже не как техническое совершенство, а как природная данность говорить просто, естественно, проникновенно, когда

слово органично и находится в ладу с другими словами, их звучанием, смыслом. Дмитриченко говорит стихами так, как остальная часть населения говорит прозой, будто эта форма общения была дана ей изначально как самое обычное человеческое свойство. И в этом смысле мы не находим никакой рисовки или преувеличения в авторском признании: «Я поэт не по собственной воле, / А по властному зову судьбы!» («Я – поэт»).

Я уверен: тот, кто возьмет в руки сборник стихов Дмитриченко, не пожалеет об этом, а время, потраченное на знакомство с книгой, с лихвой окупится эстетическим наслаждением, которым чтение будет сопровождаться.

Время поэзии

В. И. Сляднева, поэт, писатель,
член Союза писателей СССР и России

Книга поэтессы – «Звезда в колодце» – то ли по интуиции, свойственной подлинному таланту, то ли, действительно – по «Божьему хотению...» – уже в самом названии определила основные черты её дарования – высоту и глубину.

Валентина Дмитриченко исполнена благодарности за встречу с поэзией еще в пору столь юную, что и понять что же это такое – было немислимо. Да и более зрелом возрасте она не пыталась философски осмыслить «великой тайны, к себе влекущей», как не пытаются понять – почему нельзя жить без воздуха.

Она дышит воздухом родины, ее историей, культурой, красотой – и не пытается собрать свои дни, которые «раскатились, словно бусы по земле».

Детство ее прошло среди бескрайних просторов Северного Казахстана, где студеные ветры и ливни хлестали по стеклам крайнего домика села с поэтичным и непонятным названием «Лузинка».

Так и хочется представить, как выпархивала по утрам маленькая девочка навстречу солнцу, высоким травам, где «кузнечики со звоном ударялись в ведра». Может, эти ведра были полные парного молока от «лиророгой коровы»... Откуда приходят поэты, теперь я знаю! Они приходят из детства. Самые лучшие стихи у поэтов из открытий, которые они совершили в ту звонкую и сказочную пору. Там все – правда, все – исповедь, и – надежда.

Немногим удается сохранить в сердце тот свет и максимализм, и наивность, а без них нет поэта: «Сколько раз я клялась: о себе посторонним не слова!». Но ведь это же так противоестественно! Стихи же «не выносят обмана...». Они же летят от сердца к сердцу, чистые, как снег, доверчивые, как дети: «И опять, и опять, словно жизненных истин не знаю, оголенной душой, как во мраке лампадой свечу. И опять, и опять я себя самое распиная, и чумею от счастья, и доли иной не хочу...».

Иногда поэтов упрекают в «мелкотемье», но разве бывают темы маленькие и большие? Разве «птичка с палевой грудкой», которая называется зяблик, не нуждается в защите, как униженный нищетой и неправдой человек?

Валентина Дмитриченко в стихах открывает свой Космос – глубину и разнообразие оттенков человеческих чувств, а человек для нее – Вселенная. Сегодня поменялись приоритеты, критерии, но у нее они свои.

Правда – то, что «сердце сказало». Стихи ее говорят о том, что она в этот мир пришла воспеть его красоту, она пришла любить: «В окно твое освещенное буду я биться, как мотылек...», «Цвести до последнего вздоха и радовать мир красотой...», – только ли о цветке сказала поэтесса? Я обрадовалась появлению на поэтическом небосклоне Ставрополя нового имени.

И верю, что река времени в своем неотступном стремлении унесет суету людей, и, может, наконец – то! – унесет то книжное наводнение, в котором тонут те редкие книги, которыми будут гордиться наши потомки. С уверенностью могу сказать, что новая книга Валентины Дмитриченко «Звезда в колодце» – это чистая струя подлинности чувств, не навязчивых, ненадуманых поэтических образов. Это – открытая всем ветрам, теперь уже и ставропольским, душа поэта, необоявшегося доверить своему читателю свои самые сокровенные уголки души. В своем доверии «характер народа, привыкшего к суровому климату и свято верившего в чудесное и необыкновенное».

Валентину Дмитриченко литературное Ставрополье приняло сразу всеми голосами с ее «разноцветными дождями», с непростой и нелегкой судьбой, с невосполнимой утратой сына, которая уже переросла в сознание народной драмы, с трудолюбием. Она пишет, как течет река – постоянно, как будто бы боится – если остановится, то иссякнет...

Можно отменить народность ее языка, его метафоричность и упорное нежелание поэта использовать слова, пришедшие к нам из нового мира из духовного обнищания России – от которой, слава Богу! – осталось не только название страны, но и великий Конек – Горбунок, и великий язык Пушкина, и весь народный уклад жизни, где живо «не хлебом единым...», где «живое», «корневое», «глубинное» – в самой природе человека.

Я знаю Валентину смеющейся и плачущей, я знаю ее твердой и решительной, и неуверенной, и ранимой – такой вы ее узнаете по стихам, я уверена, что в ней вы узнаете и себя.

Многие годы творческой дружбы связывали Валентину Гапуровну с Валентиной Ивановной Слядневой. Так получилось, что стихи, которые 25 лет писала в Невинномысске как бы для себя, выплеснулись в несколько поэтических сборников. Но Валентина Дмитриченко мечтала, чтобы ее стихи оценили

профессионалы. И позвонила в Ставропольское отделение Союза писателей России. Валентина Сляднева, возглавлявшая тогда Ставропольский Союз писателей, назначила ей встречу. А через несколько дней позвонила Дмитриченко и сказала, чтобы та готовила документы для вступления в Союз писателей РФ. Так было положено начало крепкой и надежной дружбе.

Доброе слово и кошке приятно

В. Г. Дмитриченко

Писать о человеке всегда трудно, а о человеке такого масштаба, как Валентина Ивановна Сляднева – трудно вдвойне, потому что боюсь – сказать не сумею, а промолчать не имею права.

О её роли в поэзии будут писать и говорить специалисты литературоведы, я же хочу поделиться с вами своими наблюдениями о её взаимоотношении с окружающим миром, с которым она органично сливалась, а не просто действовала на его фоне. И, я думаю, что не солгу, если скажу, что животным в нём было отведено особое почётное место.

Мне невольно приходит на память одно мудрое изречение «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». Как это всё-таки верно! Валентина Ивановна могла бесконечно рассказывать о своих питомцах разные истории, нередко отождествляя их поведение с поведением людей. Она серьёзно увлекалась пчеловодством и мёд с её пасеки расходился по друзьям и знакомым от Москвы до самых до окраин. Она заводила даже перепёлок. Хлопотала над ними, как наседка над своим выводком, увлечённо рассказывая всем о пользе перепелиных яиц. И мы все увлекались и начинали употреблять в пищу перепелиные яйца.

Я нередко спрашивала: «Валентина Ивановна, ну зачем вам всё это, ведь они отнимают столько времени?» Она отвечала приглушённым голосом: «А без всего этого я не смогу писать!»

— Почему именно лабрадор? – поинтересовалась я, когда однажды она показала мне полуторамесячного щенка палевого окраса с удивительно умными, грустными глазами. — Потому, что это самые миролюбивые собаки на свете. Они прекрасно уживаются со всеми животными, какие есть в доме, а у меня их – сами видите! В голосе её, не смотря на непринуждённость беседы, прозвучала едва уловимая нотка грусти. Я поняла, как важен для неё этот прочный мир на ограниченном стенами квартиры пространстве. Ведь вся её жизнь – это непрекращающаяся ни на минуту борьба с несправедливостью, невежеством, предательством. Ей как воздух было необходимо это равновесие между раздираемым противоречиями внешним миром, и миром внутри её дома. Отдушина, благодаря которой она жила, и ради которой стоило жить.

Валентина Ивановна, как всегда, не ошиблась в своём выборе. Женестьева, коротко – Ева – была игривым, смышлённым, беззаботным щенком, однако, как и все «дети», требующим к себе повышенного внимания и особого отношения. Давно уже подмечено, что питомцы очень похожи на своих хозяев. Да простят мне родные и близкие такую вольность, но все, кто видел Валентину Ивановну и Еву рядом, не могли не заметить их поразительного сходства, причём, не только внешнего, но и сходства характеров. Игривость и лёгкость, задумчивость и грусть сочетались в них удивительным образом. И всё-таки собака – это собака, а человек, как это ни печально, даже в окружении близких и родных ему людей ужасно одинок. Может быть, именно по этой причине брала на себя ответственность за судьбу живого существа и Валентина Ивановна.

Кто не испытал на себе разрушительной силы одиночества, тот поистине счастливый человек...

И как гром среди ясного неба, известие о гибели Евы во время прогулки под колёсами автомобиля. Я с ужасом представила себе убитую горем Валентину Ивановну. Как переживёт она эту утрату, как вынесет эту беду? Как всё это отразится на её самочувствии? Ведь состояние её здоровья и без того вызывало у всех нас тревогу. Гибель Женестьева словно подсекла её, заставила посмотреть на жизнь под другим углом. Она, оставаясь одна, часто просто не могла сдержать слёз и горестно причитала: «Ева, бедная моя девочка, как мне тебя жалко!». Очень переживала по поводу того, что свидетелем трагедии невольно оказалась её любимая внучка – Валюшка, которую она всячески старалась оберегать от подобного рода потрясений. Пытаясь пережить эту невосполнимую утрату, она заказала портрет Евы одному художнику, который и исполнил просьбу Валентины Ивановны. Конечно, портрет не избавлял от боли, но создавал иллюзию присутствия Евы в доме. Мы все сопереживали и искренне сочувствовали Валентине Ивановне.

Пустота, образовавшаяся с гибелью Евы, отзывалась гулким эхом в душе Валентины Ивановны, но при всей своей доброте, открытости и гостеприимстве, в своё интимное пространство она впускала далеко не всех. Она была слишком избирательна в этом вопросе. И животные, прирученные ею, пользовались здесь неоспоримым преимуществом. Благодаря одному очаровательному животному, а именно – коту, началась и моя дружба с Валентиной Ивановной, но об этом я хочу рассказать поподробнее.

Мой путь в Союз писателей был неожиданным даже для меня самой. Причём случилось это тогда, когда мечта об этом, хранившаяся в самых потаённых уголках моего подсознания долгие годы, начала помаленьку рассеиваться. Не так уж часто встречаются в жизни люди, которым веришь безоговорочно, но своей первой учительнице – Евдокии Петровне Манякиной, заложившей в меня программу, что я буду поэтом, почему-то поверила. Ну разве мог мой путь не пересечься с путём

Валентины Ивановны Слядневой, а моя судьба, пусть даже по касательной, – не соприкоснуться с судьбой этой на удивление простой, но яркой, талантливой женщины?!

Как-то раз, после презентации сборника стихов «Подкова на счастье» в г. Невинномысске, (это был август 2002 года) руководители творческих коллективов, которые были задействованы в проведении вечера, в один голос стали настоятельно рекомендовать мне вступить в Союз Писателей. И я, всю свою сознательную жизнь идущая к этой цели, вдруг испугалась, спасовала, мысленно представив себя, стоящей перед строгими взыскательными ставропольскими писателями, с творчеством которых я познакомилась ещё в Казахстане, когда заведовала сельской библиотекой. (А. Екимцев, С. Бойко, Г. Фатеев, И. Кашпуров, Р. Котовская, Е. Иванова. Среди прочих мне очень хорошо запомнилось имя Валентины Слядневой. Её стихи звучали в унисон с моим сердцем, наполняли меня каким-то особенным необъяснимым светом). От мысли об этом у меня холодели кончики пальцев, а сердце начинало испуганно трепыхаться. В то же время я хорошо понимала, что без этой встречи я никогда не узнаю – кто я и что значу. И вот однажды, набравшись смелости, я позвонила В. И. Слядневой, которая была в то время председателем правления Ставропольского отделения Союза Писателей России (Сейчас уже и не помню, кто дал мне номер её телефона). Я представилась, хотя прекрасно понимала, что ни моя фамилия, ни тем более, имя ни о чём не могли говорить Валентине Ивановне. Но... толи в силу особенности характера, толи какое-то внутреннее чутьё Валентины Ивановны подсказало ей, что мне есть, что сказать людям и внушило уважение ко мне сразу и безоговорочно. Я коротко изложила суть моего звонка, и Валентина Ивановна предложила мне встретиться у неё дома. Перечислила название документов, необходимых для вступления в Союз, назначила день и час, а в конце попросила не забыть свои книги. И вот, спустя неделю, я приехала в Ставрополь по указанному адресу. Дверь мне открыла очень энергичная, приветливая, с улыбкой во всё лицо женщина, стихи и переводы которой я узнала, ещё живя в Казахстане. Тогда я даже в самых дерзких мечтах и мыслях не могла допустить, что когда-нибудь увижу её так близко, получу от неё в подарок музыкальный альбом и книгу «Одолень-трава». На кухне, судя по ароматам, варилось вишнёвое варенье, в прихожей стояли вёдра и корзинки с фруктами и овощами. Заготовка на зиму шла полным ходом. Страх мой улетучился моментально при виде обычного простого доброго человека, также как и я заботящегося о хлебе насущном. Открыв сборник моих стихов наугад, она бегло пробежалась по стихам, прочла несколько строк вслух. От строк «В моём ведре последний жар малины и ежевики первый холодок» пришла в восторг: – Ах, молодец, ах, умница! И концовка замечательная – «А из ведра – то пыхнет знойным летом, то холодком зимы

остепенит». Доброе слово, как известно, и кошке приятно. Кстати, о кошках, а вернее о котах я расскажу чуть позже.

Мне же не давало покоя одно замечательное стихотворение Валентины Ивановны, которое я очень люблю за чётко изложенную мысль, за его лаконичность, и за то, что в нём есть ответ на риторический вопрос, который я, так же как все поэты, давно задавала себе.

Отчего, отчего тщусь ответить заранее,
Нелегко со словами управиться, брат?
Тот гранильщик идёт к бриллиантовой грани,
А у этого сил для простой в аккурат.
Отчего унижаться, скажите, до жалоб
На жару, нескончаемый день световой?
Хлебороб! Тот – к высоким идёт урожаем,
У того – что ни год – в поле колос пустой.
К золотому шитью мастерица иная
На отличку от прочих приходит скорей.
Будто тайному слову чьему-то внимает,
Будто тропка волшебная ведома ей!

Валентина Ивановна была искренне рада каждому моему появлению. Она рекомендовала меня в Союз Писателей. А позже написала замечательное, на мой взгляд, предисловие к четвёртому сборнику моих стихов.

Однажды мы договорились встретиться с ней в Литературном центре на очередном мероприятии, но Валентина Ивановна не присутствовала на нём по причине ухудшения самочувствия, однако она позвонила мне и просила заехать к ней на обратном пути. Валентина Ивановна встретила меня так горячо, словно только и ждала моего приезда. Мы сели к уже накрытому столу и стали оживлённо беседовать, как принято у писателей, на разные темы, с чтением стихов, цитированием, обсуждением тем, как вдруг, неведь откуда взявшийся кот и оказавшийся на плечах Валентины Ивановны, напомнил нам о том, что есть дела и поважнее. Я была не на шутку испугана, а для хозяйки дома и кота это было обычным явлением. Она взяла кота в руки и стала вертеть его, демонстрируя его достоинства и рассказывая об особенностях его характера. Кот был и вправду красавцем. Он расположился на коленях Валентины Ивановны и смотрел на меня поочерёдно, то одним, то другим глазом, с какой-то, как мне показалось, не кошачьей ухмылкой. А когда наши взгляды встречались, он закрывал оба глаза, и сидел так до тех пор, пока я не отводила от него свой взгляд. Валентина Ивановна пожаловалась мне на то, что Иван Дмитриевич (супруг В. И.) не любит кота и обижает его за непослушание и крутой нрав, и что им случается часто ссориться из-за этого кота. Большие жёлтые глаза Мориса (так звали кота) смотрели на меня с

какой-то человеческой мудростью. Длинные усы, алый рот, и самое главное – его боярская тёмно-пепельная шуба. Красавец, что и говорить! И вдруг Валентина Ивановна, с присущей ей щедростью, объявила: «Я дарю вам его! Он ещё совсем молоденький, ему всего шесть месяцев, он вырастет и будет ещё красивее, я бы ни за что и никогда не рассталась бы с ним, если бы не Иван Дмитриевич». Ему не нравится то, что он лазает по столам и не знает туалета. Тонкий психолог, она ещё долго говорила скороговоркой, каким-то внутренним чутьём уловив, что это самый подходящий момент устроить своему любимцу безбедную счастливую жизнь. Я предложила Валентине Ивановне просто заняться его воспитанием. На что Валентина Ивановна ответила мне фразой, сразившей меня наповал: «Три года уже бьюсь!» Мы смеялись до слёз, но отказать ей я уже не могла, тем более, что Морис – (так звали кота,) накрепко запал мне в душу. Я возразила Валентине Ивановне, что воспитать взрослого кота вряд ли получится, на что Валентина Ивановна ответила: «Ни у кого не получится, а у вас получится, я в этом больше, чем уверена. У вас характер сильнее, чем у него, а у меня слабее, из меня он верёвки вьёт, я не могу ему ни в чём отказать. А вы сможете! Тем более что кот – не абы какой, а Британский Королевский». Я даже опомниться не успела, как стала обладательницей такой красоты. Кот сидел в корзинке с откинутой крышкой и явно демонстрировал свою готовность к новой жизни.

Он и вправду оказался смышлёным, способным к обучению существом. Первое, что он сделал, появившись в доме – это обошёл весь дом и оставил метки на всём, что привлекло его взгляд, за что, конечно же, был наказан. К слову сказать, второй раз мне не пришлось этого делать, хватило одного раза, чтобы он понял, что в доме этого делать нельзя. Улицы он боялся, как огня. Потому что от рождения его пространство было ограничено стенами квартиры, где жил. Он быстро освоился на приусадебном участке. В нём проснулись настоящие звериные инстинкты. Он по несколько раз в день обходил территорию, то и дело вступая в схватки с чужими котами, которые до его появления считали эту территорию своей. Даже молодая овчарка по кличке Динка оторопела от его самоуверенной наглости, когда однажды, выпущенная из вольера, столкнулась с ним, что называется, – «лицом к лицу». Морис, сидевший на террасе перед дверью в кабинет, не испугался, как все нормальные коты, не шмыгнул в раскрытую дверь, а напротив – демонстративно лёг на бок, не проявляя к Динке ни малейшего интереса, прикрыв оба глаза. Собака крутилась вокруг Мориса, пытаясь зайти со спины, но Морис лениво поворачивался мордой к Динке и продолжал лежать не шевелясь. В конце концов ему надоел этот душераздирающий лай и он, пошёл в атаку на овчарку, которая в испуге, шарахнулась в сторону и, поджав хвост, обратилась в бегство. Сделав вокруг дома 2-3 круга, Морис ложился на своё место у двери кабинета, чтобы продолжить свой отдых и Динка, получившая урок вежливости, теперь уже пробегая мимо, вдруг

вспомнив о страшном звере, поселившемся в доме, делала прыжок в сторону, обходя опасное место стороной.

Рассказ об этом привёл в восторг Валентину Ивановну, она радовалась, как ребёнок тому, что я нашла-таки с этим негодником общий язык. Она почти каждый день интересовалась успехами своего любимца и не скрывала своего удовольствия от того, что не ошиблась ни во мне, ни в Морисе. На мою любовь Морис отвечал взаимностью и не терпел ничьих рук, кроме моих. А если я брала в руки какое-нибудь другое животное, Морис как-то брезгливо отряхивал свою шубу и надолго забивался под камин. В общем, он жил своей кошачьей жизнью, и как мне, кажется, был доволен тем, что оправдал ожидания своей бывшей хозяйки. По тому, как бежал Морис домой, едва услышав звуки гитары, я пришла к заключению, что у Мориса был ещё и музыкальный слух. Он тут же запрыгивал на колени и пытался клином втесаться между мной и гитарой. Ему нравилось звучание струн, он мог лежать так хоть весь день, наслаждаясь извлекаемыми из инструмента звуками. Валентина Ивановна смеялась и, не шутя говорила, что она не удивится, если Морис заиграет на гитаре. Она не ошиблась. Вскоре Морис сам научился извлекать звуки из струн, если гитара оставалась на диване. Как можно было не восхищаться таким животным, да и животным его называть язык не поворачивался, особенно после того, как я увидела его в роли заботливого отца, когда какая-то кошечка, выброшенная кем-то и нашедшая приют в нашем саду, родила Морису потомство. Когда котята подросли и стали разбегаться из своего убежища, познавая окружающий мир, Морис возвращал их обратно, ухватив за загривок. У людей и то не всегда увидишь такое.

С Валентиной Ивановной мы встречались довольно часто, особенно после того, как она перебралась из многоэтажки в частный особняк и увлеклась садовым дизайном, чем, кстати, была увлечена и я. Мы могли говорить часами, это были незабываемые встречи, объединившие нас и наши интересы. Мы обменивались опытом, а иногда вместе посещали «Крискентию» – магазин, где продавались саженцы, рассада, и многое другое, связанное с дизайном сада и приусадебного участка. Валентина Ивановна всегда ассоциировалась у меня с полноводной рекой, вода которой вот-вот выплеснется на берег и, захватив меня, унесёт в своей стремнине в какой-то одной ей ведомый мир, попасть куда было бы большой честью для меня.

Известие о смерти В. И. Слядневой застало меня вдали от дома и мне не удалось быть на её похоронах, но может так оно и лучше! Может быть, поэтому, до сих пор я, проезжая по Ставрополю, не могу проехать тот перекрёсток, дорога от которого ведёт к дому Валентины Ивановны, чтобы неосознанно не свернуть на эту дорогу. И, как часто бывает – только с уходом из жизни человека, с которым шёл пусть даже короткий отрезок пути, но с которым ты связан какими-то незримыми

прочными нитями, вдруг начинаешь понимать, что эту пустоту не восполнить уже ничем! Как много он значил для тебя, как много ты потерял, как много недосказано, недослушано, не узнано.

Но у меня есть Морис – живое, связующее нас звено с большими умными жёлтыми глазами и крутым нравом. Не удивительно, что у меня родилось стихотворение о Морисе, которое я хочу привести полностью.

Подарок

Первой зимней стужи глянец.
Вихри света и огня.
Кот мой – дымчатый британец
Не отходит от меня.
Он недавно мной получен
От поэта-друга в дар.
Желтоглазый и кипучий,
Словно тульский самовар.
Он мне стал роднее сына.
В доме он для всех пример.
Блики жаркого камина
Дополняют интерьер.
Он ведёт себя как Шива
И, пожалуй, неспроста
Так подчёркнуто учтива –
Подарившая кота.
Я его, с его нахрапом
До беспамятства люблю.
Чищу уши, мою лапы
И мышей ему ловлю.
От мышей он нос воротит,
Игнорирует желе.
Но, конечно же, не против
Осетриноного филе.
Не привык он к дешевизне,
Как же им не дорожить?!
Мне его кошачьей жизнью
Хоть бы пару дней пожить!
Будет мне теперь наука.
Поделом мне! Знать – судьба!
Я навек ему прислуга
Я навек ему раба!

Хотела рассказать о Валентине Ивановне, а получилось о коте. Но в этом небольшом эпизоде Валентина Ивановна Сляднева – вся, как есть – с негаснущей искоркой в глазах, с твёрдостью и уверенностью в своей правоте, со своей жизнеутверждающей гражданской позицией, со своей любовью ко всему, что её окружает и за что, приручивши однажды, была в ответе до конца своих дней.

И, как звезда, сгоревшая много, много тысячелетий назад, но посылающая свой свет на далёкие расстояния, Валентина Ивановна будет радовать меня, да и не только меня, золотым шитьём своей поэзии ещё не одно десятилетие, а может быть даже и столетие.

И ещё. Валентина Ивановна сама вызвалась написать предисловие к моему четвёртому сборнику стихов «Звезда в колодце», чему я была бесконечно рада. Должна сказать, что сделала она это блестяще, за что я буду благодарна ей до конца своих дней.

Она сумела проникнуться не только каждой моей строчкой, но и всей моей судьбой, прожив мою жизнь как свою, и пропустив сквозь сердце все мои печали и радости.

По наитию ли, по какой ли другой причине, но очевидно, что знала Валентина Ивановна эти волшебные тропки не только к заветным музам, но и к сердцам близких ей по духу людей.

Диалог с миром

Т. Лазаревич, сотрудник
Центральной городской
библиотеки г. Невинномысска

«Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому не стремился, сколько бы труда на то ни потратил», – утверждал В. Брюсов. Валентина Дмитриченко родилась поэтом. И это увидела ее любимая первая учительница Евдокия Петровна Манякина, сказав однажды: «А Валя у нас будет писателем». Потому что нельзя было не заметить особость своей ученицы, ее пристальный интерес к окружающему миру, уже тогда свой взгляд на него, свое отношение к нему. И это стало своеобразной установкой, программой, отразившей ее, простой сельской девочки, стихотворный дар. Деревенское детство на «планете» Лузинка, что в Северном Казахстане, стало источником, родником, ключом, из которого «забила» поэзия. Первые стихи увидели свет на страницах районной газеты «Ишим» в 1968 году – именно туда послала бабушка зарифмованные строчки 12-летней внучки. Диапазон глубоких чувств к своей малой родине очень широк: от благодарных – «Вбирая все краски и звуки земли, что взрастила меня» до самых

трагических, отразивших безвозвратные потери, – «Прибита крестами могильными к лоскутку необъятной земли...»

Традиционно творчество принято делить тематически: о родине, о любви, о природе, о временах года, о материнстве... Да, при желании можно классифицировать и стихи В. Дмитриченко, но, честно говоря, это будет чисто условное разделение. Потому что у нее – в конечном счете – все о любви. Для нее любовь ко всему сущему на Земле – главная, сквозная тема – тема поэзии, форма принятия мира, приобщения к его гармонии и к его сложностям. И совсем не случайно ее самый первый лирический сборник так и был назван – «Выбираю любовь».

«Смысл жизни – в жизни, в ней самой», – сказал другой хороший поэт – Александр Кушнер. Надо ценить жизнь – кричит каждая дмитриченковская строчка, утверждая именно сей миг, сей час, сей день, пытаюсь уловить, «зафиксировать» и передать их смысл, а значит – счастье бытия. Судя по стихам поэтессы, секрет умения быть счастливым – это быть в постоянном диалоге с каждым мгновением, испытывать жадный интерес к жизни во всех проявлениях. У нее идет «в дело» все, поскольку нет мелочей, не достойных ее внимания и одушевления: паутинка, заброшенный овраг, простой карандаш, решетка сада, скрипучая половица, росинка на листе, кадка с груздями, блики на паркете... Я уже не говорю о ее любимых птицах, растениях, для которых поэтессе «не жалко» отдать даже целую строфу в одном из стихотворений: «Василек, полынь, ромашка, / Кровохлебка, лютик, лен, / Лебеда, купава, кашка, / Земляника и паслен!».

А рецепт счастья очень прост:

«А счастье – то – вот оно –
Ощутимо, реально, хотя
Из печалей и радостей соткано
И простегано ниткой дождя.
Звонким пенъем пичуги пронизано,
Непрерывным жужжаньем шмеля...»

Существовать, несмотря на страдания и испытания, и при этом возносить благодарность Всевышнему – это высшее проявление сущности человека, что является совершенно естественным для В. Дмитриченко. Ведь даже в стихах, которые кричат о ее горе, все равно не покидает надежда на «выздоровление» от бед, которых на ее долю выпало немало. Почти все ее стихи – это благодарность человека, переплавившего в «тигле» своей души даже страдания в замечательные строчки. Она благодарит бога за неповторимое счастье жизни и боится только одного – холода и равнодушия: «Я за жизнь любую цену заплачу, не коснулась бы души моей остуда». Жить открыто, нараспашку, говорить что думает, быть бескомпромиссной «помогает» ей характер. В ее жизни и поэзии есть все – нет

только самоуспокоенности, рутины: «Я по рекам плыву, / Как бы ни были те глубоки. / Брода я не люблю, / Я стремнину всегда предпочту!» Формула жизни – по Дмитриченко – гениально проста: «А жизнь – это просто зима или лето, / А жизнь – это просто весна или осень». Но, с другой стороны, «как много надо для души, чтобы она заговорила»... Не боится она быть и слабой, но внутренняя мудрая женская сила всегда присутствует в ее лирике.

Один из любимых образов – колодец с его неиссякаемостью, бездонностью, чистотой. А о ее непростых «отношениях» с чистым листом бумаги и вдохновением можно сделать целую подборку цитат Вот только некоторые: «Как немного мне все – таки надо: под рукой черновик, а в душе – тишина и прохлада», «И слезно просится к бумаге моя мятежная душа!», «Стихи. Я так их ненавижу, но не могу без них ни дня», «Опять стихи пойдут лавиной, все сметая на своем пути», «Сколько раз я клялась: о себе посторонним не слова!»...

Валентине Дмитриченко претят громкие слова о патриотизме – она выражает это чувство тихо, без пафоса, обращая и нас в свою веру. Любовь к своей малой родине, о которой она пишет «Ну какая ж ты малая, если в сердце вместились едва!», подсказывает ей самые нужные слова. Впечатления от поездок по стране, зарубежью, «путешествия» по тайникам души дают жизнь новым стихам, а значит – образам, которые оживают с помощью ее неповторимых метафор, рожденных зоркостью глаз и сердца. Она видит, как: «сад рассовывает яблоки в пустые пазухи кустов», «беззубым ртом свистит пустой скворечник», «водит солнце смычком луча по карнизу тесовой крыши», «юный клен беззастенчиво лапает стайку за год подросших берез», «утиным клином синь расколота», «голубым огнем подснежников сожжены колючие снега», «тихо умирает под колесами с кленов облетевшая листва», «цедит сквозь герань на подоконнике хмельной июль рассвета молоко», «осень на дворе цеплялась паутинками за лето», «мать – и – мачехи гвоздь позолоченный залихватски апрель вколотил», «слежались дни, как платья в сундуке»... А «судьбы одеяло лоскутное», «любви потрепанный букварь», «желтогривый цветок эдельвейса», «зеленый глаз каштана», «мятный сумрак весеннего сада», «долька дынная спелой луны»!.. Все это она нежно бережет в душе. Это любовное, заботливое отношение ко всему живому роднит В. Дмитриченко с великим защитником родной природы и слова, ее любимым писателем Валентином Распутиным. И она тоже может быть очень жесткой, если это живое попирают ил – хуже того – уничтожают! У нее в этом случае может вырваться и нелицеприятное слово, сказанное наотмашь, но честно: «И впервые не стану молиться о спасенье твоём, человек».

Литературные критерии, кроме самобытных метафор и сравнений, отметят среди лучших сторон ее поэтики и эмоциональность, открытость, искренность лирической героини, и красоту, изящность «здания» стихотворения, прочно

сложенного из кирпичиков – строф, из которых нельзя вытащить ни одного, не разрушив «строения». Прошу прощения за каламбур, но к сильной стороне надо отнести и сильную концовку произведений. Сильную, даже если там стоит многоточие, предполагающее к размышлению, раздумью, молчанию, т. е. эту паузу можно сравнить с наэлектризованным воздухом... Разорванные, короткие строки стихотворений призваны акцентировать внимание читателя на ключевых словах, фразах. Иногда поэтесса использует даже сбой ритма с той же самой целью – обратить внимание на нужное слово; это бесстрашие, доверие к читателю тоже можно считать признаком высшего поэтического пилотажа. Наиболее важные слова занимают сильную позицию – конца строки. Окончания строк у нее чаще мужские, ударные, т. е. смысловая и эмоциональная «точка» ставится на последнем слове. За внешней простотой ее стихов стоит «многозатратный» душевный труд и интуитивное постижение законов гармонии.

У Валентины Дмитриченко издано пять сборников. Теперь на суд (хотя правильнее сказать – на радость) читателям поэтесса выносит новые стихи. Я уверена, что они продолжат прекрасную «гуманитарную» миссию: помогут людям счастье ощутить острее и глубже, жизнь – полнее и насыщеннее, они «перебинтуют» строчками пораненную кем – то (или чем – то) душу... А еще дмитриченковские стихи легко запоминаются – и это тоже признак настоящей поэзии: это значит, что нужное слово стоит на нужном месте.

Из множества мудрых изречений о поэзии несомненным лидером, на мой взгляд, является это: «Поэзия – это поток радости, боли, изумления и малая толика слов из словаря». Это, конечно же, о стихах Валентины Дмитриченко. Просто их раньше на столетие сформулировал выдающийся философ и поэт XX века Джебран Халиль. И пусть всем вам, читающим эти строки, после потока поэзии Валентины Дмитриченко «захочется новой встречи, счастья, песни, весны, любви!»

Мелодия грусти

Л. Махаринская, журналист

Иные стихи читать легко, иные, часто и очень хорошие, читать трудно. Стихи Валентины Дмитриченко читать интересно. О самых, казалось бы, простых, общеизвестных вещах она умеет сказать нечто новое. И ее стихи находят отклик в сердцах и умах как взрослого читателя, так и школьника, ее стихам верят:

А за веру награда –
Луч надежды в пути.
Разве это не радость,
Если все впереди?!

Поэты говорят, что их биография в их стихах. И это, как правило так. Сила женской любви, материнской любви – это великая сила, она, эта сила, эта страсть, и вызвала к жизни многие стихотворения невинномысской поэтессы. Но как писала когда-то – Евдокия Ростопчина, нужно, «чтоб лучших снов певица робкая вполне не выдавала, чтоб имя призрака ее невольных грез, чтоб повесть милую любви и сладких слез она, стыдливая, таила и скрывала». Тогда становится понятной «грустинка» многих стихотворений Валентины Дмитриченко:

...Ничего нет радостнее грусти...
...В мои глаза уже глядится осень...
...И мелодия грусти звучит
В тайном сговоре трепетных рук.

По-моему, это сказано по-пушкински: «Печаль моя светла». И по-пушкински же прорывается словами: «Я небо пью веселыми глотками».

Ее поэтическая палитра кажется промытой весенним черемуховым дождем. И даже полутона ложатся мерцанием чистых родниковых красок:

Куст черемухи белой медведицей
Воду пьет, наклонившись к реке.

Нужно внутренне быть очень богатым человеком, чтобы дарить людям цвета и мелодии мира так щедро и широко.

Я хотела бы петь
На сиреновой ветке,
А не пленницей быть
В позолоченной клетке!

Тем не менее, поэтесса – пленница стихии рифм:

Кому я давала обет
Над рифмой сидеть до рассвета,
Срывая слова – пустоцветы,
Чтоб завязь увидела свет?

Читая ее стихи, нельзя не заметить свежести восприятия, зоркости взгляда, философских раздумий:

Я поняла, что жизнь гораздо проще,
Чем мы ее придумали себе!

Вот в этой кажущейся простоте и секрет поэтического слова, которое всегда стережет мудрость женщины.

Еще раз обращаясь к словам Е. Ростопчиной, хочется процитировать:

Женская душа должна в тени светиться,
Как в урне мраморной лампы скрытый луч,
Как в сумерки луна сквозь оболочку туч,
И, согревая жизнь, незримая, теплится.

Стихи Валентины Дмитриченко согревают, они душевны, трепетны: что на сердце – то и на листе. Прочитайте их – и вы почувствуете это.

Слово о поэте

С. Касперский,
член Союза писателей России

Дмитриченко дан поэтический дар создания живописных словесных картин русской природы, эмоциональный настрой пейзажа поэта в лучших стихах завораживает, органично сочетается с психологическим состоянием человека. Читателя покоряет интонация, музыка слов, образность: «А месяц серебряной звонкой подковой упал на поверхность остывшей воды» или – «Ночь промелькнет, прозвенев серебром...». После прочтения таких строк хочется еще и еще стихов Дмитриченко. Она отзывчива и уязвима, нравственно чиста и открыта добру.

Стихи Валентины Дмитриченко

Приезжай

Ты приезжай, здесь столько света!..
Здесь дом и сад с калиткой в лето,
И пруд, до донышка прогретый,
За частой сеткою ветвей.
Здесь все рассветы смотрят в воду,
Здесь все закаты с позолотой,
Здесь у реки над сонным бродом
Мой персональный соловей!
В объятьях тополиной стужи
Он будет петь, а ты послушай...
О как он изливает душу –
Хмельного мая пионер!
На свете нет певца чудесней,
Он юных муз моих ровесник,
Он все стихи мои и песни
Переложил на свой манер!

Мне кукушка обещала

У меня своя река,
Солнце, ветер, облака,
А за речкой – лес с опушкой,
Где душистые стога.
А над речкой – для души –
У меня свои стрижи,
Что взмывают над водою,
Заходя на виражи.
Сизых горлиц воркотня,
В окнах отблески огня,
И закаты, и рассветы –
Персонально для меня.
Плеса бархатная шаль,
Неба звёздного скрижаль...
Ты лишён всего такого –
Мне тебя немного жаль.
Я зажгу в ночи свечу,
Помолюсь и помолчу...
Мне кукушка обещала
Всё, чего ни захочу.
Изнемог соловей...

Изнемог соловей.

Бьётся в окна рассвет тополиный,
Вздоражив округу
Серебряным звоном косы.
Под окном у меня
Зацвела молодая калина
И светло на душе
От невиданной этой красы.
Изумрудный прибой
Закипает у самой калитки
И кузнечиков скрежет
Растрогал мне душу до слёз.
Душно в келье своей
В майский день виноградной улитке
После первых весенних
Ветрами разбуженных гроз.

Душно мне в скорлупе
Гулких комнат промозглого дома,
Где всю зиму навязчиво
Хлопали дверью ветра...
Знаю я – и тебе
Это горькое чувство знакомо.
Знаю я – и тебе
Опостылела эта хандра.
Приезжай. Мы с тобой
Опьянённые ветром свободы
Приколотим скворечник
На старый дощатый сарай.
И растопим камин,
И посадим черешню у входа
В наш, умытый дождями,
Увитый лианами рай...
Изнемог соловей,
Догорели и звёзды, и свечи.
Беглым речетативом
Врачует мне душу скворец.
Приезжай, прилетай –
Мы с тобою отпразднуем встречу
Двух – таких одиноких –
И жаждущих счастья сердец!

Фиалок мокрые ресницы

Фиалок мокрые ресницы
Распахнуты навстречу дню.
В окне, признав во мне родню,
Свистят весёлые синицы.
Спугнули трепетные сны
Осинок звонкие мониста,
А на душе светло и чисто
От синевы и белизны.
От крика ласточек, от света
Бегущего навстречу дня.
И ничего родней, чем это
Нет и не будет у меня.

В мой чудный рай...

В мой чудный рай нет хода никому.
Прочны его задвижки и застёжки,
Поскольку я встречаю по одежке,
А провожаю только по уму.
Здесь тишина, здесь только шум реки
Да соловья неистовое пенье...
Сижу одна в раю, поджав колени,
В камине жгу свои черновики.
В них столько грусти... Господи, прости
За эти слёзы долгими ночами,
За эти боль и грусть, за эту память,
Что мне одной, как тяжкий крест нести.
В моём раю закончилась зима.
Его теперь знобит от птичьей трели.
И я жива... и не сошла с ума
И яблоки почти уже созрели.

Гамак

Скатилась зима в овраг,
Качнув на воде звезду.
Подвешиваю гамак
Под яблонями в саду.
И плещется день в реке,
И ласточки гнёзда вьют...
Блаженствую в гамаке –
В уютном моём раю.
Качающийся гамак,
Открыты и даль, и высь
И мне без тебя никак
На свете не обойтись!
Поёт соловей в ночи.
Ну чем тебе здесь не рай?
Пожалуйста, не молчи,
Пожалуйста, приезжай!
И сразу растает мрак
Вблизи моего окна...
Один на двоих – гамак,
Судьба – на двоих одна!

Май

С треском в саду моём
Рвутся набухшие почки.
В поле за рощицей
Дружно взошли зеленыя.
Май в накрахмаленной
Кипенно-белой сорочке
С ворохом ландышей
Ждёт не дожждётся меня.
Голубоглазый, вихрастый
И русоголовый,
Статный и юный –
Как сердцу он мил моему.
Вот отыщу
Подходящее нужное слово,
Выйду навстречу
И брошусь в объятья к нему.
Будет стелить он мне
Под ноги клевер и мяту,
Будет кружить меня в танце
У всех на виду...
Счастье, что было
Потеряно мною когда-то,
Вновь я на зависть
Врагам и друзьям обрету.
Рифмы нахлынут –
Лишь только записывай строчки.
Сердце забьётся,
Объятые жаром огня.
Вот он – желанный мой –
В кипенно-белой сорочке,
С ворохом ландышей
Ждёт под окошком меня.

Не суждено

На плите варенье варится,
Створкой хлопает окно.
На одной подушке стариться
Нам с тобой не суждено.

Я давно уже усвоила:
Жизнь – несносное враньё.
Ни гроша оно не стоило –
Обещание твоё.
Притупились слух и зрение.
С горки катятся года...
Пить чай с моим варением
Ты не будешь никогда!
Никогда в мой дом униженный
Дверь тебе не отворю
И в глаза твои бесстыжие
Никогда не посмотрю!
На плите варенье варится,
А тебе, бесценный мой,
На чужих подушках стариться
Уготовано судьбой!

Резвится бабье лето

Резвится бабье лето
Подёнкой у реки.
И ветер по кюветам
Катает медяки
Разбойничают осы...
Пируя без забот,
Дырявят абрикосы,
Высасывают мёд.
Ветвей невнятный шёпот
Навеял счастье нам.
И семена укропа
Летят по сторонам.
От губ твоих хмельна я,
От рук твоих пьяна.
И я ещё не знаю,
Что я уже одна.

Крушина

Вот оно чудо, свершилось:
За ночь опали сады.
Золотоносною жилой –
Листья у кромки воды.

Дружно осыпались клёны.
Дружно кричит вороньё.
Смотрит мой сад удивлённо
На отраженье своё.
Сумерек тонкая пряжа
Рвётся о сколок звезды.
Вяз не смущается даже
Дерзкой своей наготы.
Только кокетка-крушина,
Колкий вдохнув холодок,
Сбросить ещё не решилась
Самый последний листок.

За моим окном

За моим окном заря осенняя
Вызрела до срока, до поры.
Рифмы и слова – моё спасение
От унынья, грусти и хандры.
Снят гамак. Простор мне душу радует.
Под навес упрятаны дрова.
И с размаху на газоны падает
Стылая сырая синева.
Мечутся по саду листья в панике
И во всей вселенной – ни души.
Липовые веники в предбаннике
Необыкновенно хороши.
Радостно мне здесь в саду под кущами –
Есть что вспомнить, есть чем дорожить...
Вот и всё. Грехи душе отпущены –
Можно ждать, надеяться и жить!

Соловей

Синеглазый рассвет
Приподнял дымовую завесу
И открылось сознанию
Высокое время чудес:
Соловей хулиганил –
Он вторил то речке, то лесу
И смущённо пред ним
Замирали и речка и лес.

Он то плакал, то вдруг
В кураже заходился от смеха,
То в бреду начинал
Что-то новое звуком творить.
Он сплетал кружева
И уже не могло даже эхо,
Как ни билось, увы,
Эту песню его повторить.
По опушкам цветы
Открывали глаза голубые,
Продираясь сквозь мох,
Сквозь коренья, листву, бурелом.
Он емев от восторга,
Про всё я на свете забыла.
Мне казалось, что ангел
Ко мне прикоснулся крылом...
А когда он смолкал,
Чтоб воды родниковой напиться,
Возвратившись в реальность
Недолгое время спустя, –
Начинали вещать
До антракта молчавшие птицы,
Прославляя его
Как любимое Божье дитя!

Одеяло лоскутное

Ищем счастье...
А счастье-то – вот оно –
Ощутимо, реально, хотя
Из печалей и радостей соткано
И простёгано ниткой дождя.
Звонким пенъем пичуги пронизано,
Непрерывным жужжаньем шмеля...
Налегке выбегаю я из дому
И плыву по волнам ковыля.
Щурюсь миру глазами зелёными
И пытаюсь обнять небосвод...
Высоко над ажурными клёнами
Крутолобое солнце плывёт.
Мчатся мимо машины попутные,

Обдавая угаром лугов
И судьбы одеяло лоскутное
Простирается до облаков.

Снегириха

Льётся в окна тихо-тихо
Зорьки утренней вино.
Прилетела снегириха,
Покосилась на окно.
Неба свод лазурно-синий.
В белом мороке сады.
Звонко стряхивают иней
С веток чёрные дрозды.
Мельтешит синичек стая
На ладошках января.
Снегириха молодая
Поджидает снегиря.
Я в кормушку то и дело
Подсыпаю семена.
От мороза поседела
Гроздь рябины у окна.
А на сердце снег не тает
От утрат и от обид...
Где-то мой снегирь летает
Да к кормушке не летит.

Ещё насвистывают зяблики...

Ещё насвистывают зяблики
И далеко до холодов.
И сад рассовывает яблоки
В пустые пазухи кустов.
А надо мной лоскутик просини
Хранит неяркий свет звезды.
И чую я дыханье осени
От зацветающей воды.
В глазах темно от света белого
И от признанья твоего...
И кроме ветра оголтелого
Во всей вселенной – никого!

Основные даты жизни и творчества В. Дмитриченко

19.01.1956 г. – родилась в селе Лузинка Северо-Казахстанской области

1963 – 1971 гг. – училась в Лузинской восьмилетней школе

1971 – 1973 гг. – училась в с. Волошинка, в школе-интернате. Писать стихи начала с 12 лет.

1974 – 1976 гг. – работала преподавателем физической культуры в школе, по комсомольской путёвке на строительстве Павлодарского тракторного завода. Работала воспитателем, библиотекарем.

С 1976 года живёт и работает на Ставрополье, в городе Невинномысске

2000 г. – издана книга «Выбираю любовь»

2002 г. – издана книга «Подкова на счастье»

2003 г. – издана книга «Продолжается жизнь»

2004г. – издана книга «Звезда в колодце»

2004 г. – принята в члены Союза писателей России

2006г. – издана книга «Лунная подкова»

2016 г. – издана книга «Объяснение в любви» в 2-х томах

2016 г. – вручена Литературная премия имени В. И. Слядневой за книгу «Объяснение в любви» в 2-томах.

Библиографический список

Произведения Валентины Дмитриченко

1. Дмитриченко, В. «Ах, господа! Пожалуй, много чести...»; «Ус как надо закручен...»: [стихи, посвящ. М. Ю. Лермонтову] / В. Дмитриченко // Лермонтовские студии – 3. Венок поэту. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – С. 312-314.
2. Дмитриченко, В. Г. Везучий; Обелиск : стихи / В. Г. Дмитриченко // Победители : [к 70-летию Великой Победы] : сб. произведений ставроп. писателей / сост. В. Н. Кустов, О. В. Кравцова, Е. П. Полумискова. – Ставрополь : Юркит, 2015. – С. 491-492.
3. Дмитриченко, В. Воронка; Везучий; Обелиск: стихи / В. Дмитриченко // Подвиг народный : сб. стихов к 60-летию Победы. – Пятигорск, 2004. – С. 147-149.
4. Дмитриченко, В. Где ты?; Не надо вспоминать...; Зимнее солнце; У меня на душе светло; Вопреки; А я боялась...; Мне казалось...: стихи / В. Дмитриченко // Имена : антология / сост. А. И. Куприн. – Ставрополь, 2014. – С. 455-459.
5. Дмитриченко, В. Г. Еще не поздно; Нежность; Второе цветение : [стихи] / В. Дмитриченко // Невинномысский рабочий. – 2015. – 21 марта.
6. Дмитриченко, В. Звезда в колодце : стихи / В. Дмитриченко; вступит. ст. В. Слядневой. – Ставрополь : Сервисшкола, 2004. – 191 с.
7. Дмитриченко, В. Лунная подкова : стихи / В. Дмитриченко. – Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – 67 с.
8. Дмитриченко, В. Г. Обрушилось небо снегами... : [стихотворение] / В. Дмитриченко // Ставроп. правда. – 2013. – 20 нояб.
9. Дмитриченко, В. Г. Объяснение в любви : избранные произведения. В 2 т. Т. 1. / В. Г. Дмитриченко. – Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2016. – 384 с. : ил.
10. Дмитриченко, В. Г. Объяснение в любви : избранные произведения. В 2 т. Т. 2. / В. Г. Дмитриченко. – Пятигорск : Рекламно – информационное агентство на КМВ, 2016. – 332 с.: ил.
11. Дмитриченко, В. Подкова на счастье : сб. стихов / В. Дмитриченко; вступ. ст. Л. Махаринская. – Ставрополь : Ставроп. краевая тип., 2002. – 200 с.
12. Дмитриченко, В. Продолжается жизнь... : сб. стихов / В. Дмитриченко. – Ставрополь : Ставроп. краевая тип., 2003. – 172 с.
13. Дмитриченко, В. Солнечно на сердце... : [стихотворение] / В. Дмитриченко // Ставроп. правда. – 2015. – 7 марта.
14. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юркит, 2005. – № 2. – С. 113-116.

15. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2008. – № 4. – С. 132-136.
16. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2009. – № 3. – С. 3-5.
17. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2011. – № 4. – С. 223-228.
18. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2013. – № 1. – С. 223-224.
19. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2014. – № 1. – С. 151-156.
20. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2015. – № 3. – С. 195-200.
21. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Литературное Ставрополье : альманах. – Ставрополь : Юрсит, 2016. – № 4. – С. 207-212.
22. Дмитриченко, В. Стихи: [в т. ч. биограф. справка об авторе] / В. Дмитриченко // Современные писатели Ставрополья : антология. – Новопавловск : Кировская районная тип., 2009. – С. 73-81.
23. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Стихи и песни о Невинномысске : библиогр. указ. / сост. Н. Н. Ульшина. – Невинномысск : ЦГБ, 2011. – С. 27-34.
24. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Сельское Ставрополье. – 2011. – № 27. – С. 48, фото.
25. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // «Я наизусть читаю этот лес...» : поэтический сб. – Нальчик : Тетраграф, 2012. – С. 277-280.
26. Дмитриченко, В. Стихи / В. Дмитриченко // Голос Кавказа : Литература. Искусство. Публицистика. – Пятигорск : Севкавказпроводхоз, 2015. – № 8. – С. 116.
27. Дмитриченко, В. Чистый слог; Люблю, надеюсь, верю; Я дочь твоя, Кавказ; «Взбивает май капелью синий плес...»; Мой Эдем; Моя Россия; «По мокрым крышам сонного поселка...»; Бузина и калина; Казахстан; Одеядо лоскутное : стихи / В. Дмитриченко // Белая акация : межрегиональный форум творческих союзов на Ставрополье, [июнь 2015 г. : сб. лит. произведений / сост. Е. П. Полумискова. – Ставрополь : Юрсит, 2016. – С. 287-290.
28. Дмитриченко, В. Г. «Я ощутила вкус свободы...»; «Лишь окно моё окрасят...»; «Бабье лето, бабье лето...»; «У меня своя река...»; «Вот оно чудо, свершилось...»; «За моим окном заря осенняя...»; Соловей; «Вышиты тайными знаками...»; «Ещё насвистывают зяблики...»; Дома; Если вдруг; Есть слова у меня : стихи / В. Г. Дмитриченко // Белая акация : межрегиональный форум творческих союзов на Ставрополье : [сб. лит. произведений : поэзия и проза

участников форума / сост. Е. П. Полумискова. – Ставрополь : Блиц-Инфо, 2017. – С. 344-349.

29. Дмитриченко, В. Г. [Произведения] / В. Г. Дмитриченко // Стихи.ру : [электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.stihi.ru/avtor/parnac200510>.
30. Дмитриченко, В. Г. Твори добро; Одеяло лоскутное; Солнечно на сердце...; Время лечит; Последний лист; Вымирающей деревне; Пока я любима...; Только это плечо; Мир вашему дому : [стихи] / В. Г. Дмитриченко // Литературный центр : [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litcenter26.ru/114/dmitrichenko/>.

Литература о жизни и творчестве В. Дмитриченко

1. Писанов, Ю. И птицы поют без усталости на ветках моей души : творчество Валентины Дмитриченко / Ю. Писанов // Открытая. – 2017. – № 32, 16 – 23 авг.
2. Быкова, Н. Две победы – из прошлого в будущее : поэтесса В. Дмитриченко стала лауреатом премии литературного фонда имени В. И. Слядневой / Н. Быкова // Ставроп. правда. – 2017. – 11 янв.
3. Сахвадзе, Н. Н. Дмитриченко Валентина Гапуровна / Н. Н. Сахвадзе // Ставропольские писатели : краткий биографический словарь. – Ставрополь : Сервисшкола, 2015. – С. 41-43.
4. Валентина Дмитриченко. Поэтесса. // Имена : антология / сост. А. И. Куприн. – Пятигорск, 2014. – С. 455.
5. Дмитриченко Валентина Гапуровна : [биогр. данные с публ. стихов «Шарит клен по скату крыши...», «Накануне выпали снега» и др.] // Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя : хрестоматия. Ч. IV : Поэзия и проза. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2012. – С. 108-113.
6. Валентина Дмитриченко : [биогр. справка] // Современные писатели Ставрополя : антология / сост. А. И. Куприн. – Новопавловск : Кировская районная тип., 2009. – С. 73.
7. Бойко, С. Слово о поэте / С. Бойко // Дмитриченко В. Лунная подкова. – Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – С. 63.
8. Касперский, С. Слово о поэте / С. Касперский // Дмитриченко В. Лунная подкова. – Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – С. 64.
9. Кожевников, В. Слово о поэте / В. Кожевников // Дмитриченко В. Лунная подкова. – Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – С. 63.
10. Пересыпкина, В. Бизнес-леди и поэт / В. Пересыпкина // Ставроп. губ. ведомости. – 2006. – 26 янв.
11. Сляднева, В. Слово о поэте / В. Сляднева // Дмитриченко В. Лунная подкова. – Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – С. 62.

12. Ярош, В. Слово о поэте / В. Ярош // Дмитриченко В. Лунная подкова. –
Пятигорск : Северокавказское изд-во МИЛ, 2006. – С. 62.
13. Сляднева, В. Время поэзии... / В. Сляднева // Дмитриченко В. Звезда в
колодце. – Ставрополь : Сервисшкола, 2004. – С. 3-4.
14. Махаринская, Л. Мелодия грусти / Л. Махаринская // Дмитриченко В. Подкова
на счастье. – Ставрополь : Ставроп. краевая тип., 2002. – С. 3-4.

Содержание

От составителей	3
«Я поэт не по собственной воле...»	4
Время поэзии	15
Доброе слово и кошке приятно.....	17
Диалог с миром	24
Мелодия грусти	27
Слово о поэте.....	29
Стихи Валентины Дмитриченко.....	29
Основные даты жизни и творчества В. Дмитриченко.....	38
Библиографический список	39
Произведения Валентины Дмитриченко	39
Литература о жизни и творчестве В. Дмитриченко	41